

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Страны Центральной Европы в позднее средневековье. — Городские кантоны Швейцарии. — Германия при Фридрихе III. — Герцогство Бургундское. — Император Максимилиан I

Те 50 лет, в течение которых Фридрих III был германским королем, можно было бы назвать грустным периодом в истории Германии, если бы вообще, и особенно при таком политическом организме, каким было тогда немецкое или «римское» государство, жизнь большой нации определялась деяниями ее правителя. Следя за действиями этого правителя, все царствование которого было цепью неудач, но тем не менее закончилось большими выгодами, по крайней мере, для его рода, не следует упускать из вида, что его правление было только внешней рамкой для жизни немецкой нации во второй половине XV в. Самой выдающейся чертой Фридриха III был несомненный эгоизм. Один кардинал в письме к другому так характеризует его: «Человек нерешительный, скрытный, не имеющий понятия о чем-либо общем и сводящий все к своей единоличной выгоде». И этот его эгоизм, к которому присоединялись известный ум или хитрость, умение рассчитывать обстоятельства, придавало ему значение. В частности, он всегда знал, чего хочет, и поэтому его нельзя назвать ничтожным, как и его портрет в нашем столетии: Франца II. Подобно последнему он тоже был святошей, чуждался бессмысленно, с внутренним отвращением, всякого религиозного нововведения, идя по избитой церковной колее. Но у него при этом был свой расчет, и он заставлял себе платить за удобную папе церковную политику, снова подчинившей государство игу церкви: он выговорил большие церковные льготы для своих наследственных владений. Он вернулся из Рима (1468 г.) с полным карманом, с несколькими сотнями доходных духовных мест, раздачу которых папа предоставил его произволу: то, что проклиналось прежде в качестве симонии, теперь практиковалось без зазрения совести и составной частью входило в область высшей политики. Фридрих был умерен, как Франц II, лишен всяких сильных страстей, скуп, мелочен. Франц был любителем музыки, Фридрих занимался садоводством, астрологией и некромантией, что снисходительно выдается за его стремление к знанию, между тем как это было скорее уклонением от серьезных умственных работ и настоящей деятельности.

Первое его столкновение произошло со *Швейцарией*, от которой он требовал возвращения всего отнятого у его дома, прежде чем согласиться на подтверждение ее льгот. Не получая удовлетворения, он выпросил у французского короля отряд наемников, которые звались *арманьяками* по имени вождя и организатора этого войска графа д'Арманьяка. Народ переименовал это название в насмешливое: «*агте Гескен*» («бедные франты»), хотя такая кличка более подходила несчастным жителям тех местностей, через которые прохо-

Германия.
Фридрих III.

Арманьяки.
1444 г.

дили эти шайки. Фридрих с ужасом увидел, что вместо просимых им 6 тысяч явилось 24 тысячи человек под начальством дофина. Французский король открыто дал понять при этом, что все земли до Рейна принадлежат Франции. Все ужасы великих войн XIV в. повторились, и в еще худшей степени (1444 г.). Швейцарцы числом в несколько тысяч, по другим сведениям лишь 800 чело-

век, сразились с главным неприятельским отрядом у *Санкт-Якоба* близ Базеля. Они бились в течение целого длинного летнего дня против врага, в 30 раз сильнее, и пали все, но положили столько французов, что произвели большое впечатление на их вожда, дофина, и он отступил со своим войском, чтобы вторгнуться в Эльзас. Французы покинули немецкую землю лишь в 1445 г., когда им стало уже опасно оставаться среди населения, доведенного до отчаяния. При заключении императором мира с Союзом в 1446 г. швейцарцы ничего не потеряли: город Цюрих, обратившийся за помощью к Австрии, должен был снова отойти к Союзу.

Таким образом, победа осталась за демократией, за бюргерством. Дворянство и правители выместили тогда свой гнев за это повторное унижение на северогерманских городах, раздражавших их своим возраставшим богатством и соответственным тому могуществом.

Вторая
война
городов.
1449 г.

Медаль Фридриха III, изображающая его в старости. Работа Антонио Аббондио. Нюрнберг. Германский музей.

Надпись: IMP(erator) CAES(ar) FRIDERICVS III
AVG(ustus).

Ввиду многих нерешенных споров с соседними князьями 31 швабский и франконский город возобновили старые союзы. То же сделали и князья: 22 больших и множество мелких владетелей присоединилась к войне, объявленной городу *Нюрнбергу* в 1449 г. маркграфом *Альбрехтом Бранденбургским*, которого они называли немецким Ахиллесом. Это было сигналом ко второй «войне городов». Непосредственным поводом к ней послужил ничтожный спор между городом и маркграфом, который легко уладился бы пригоршней золота, если бы взаимное раздражение сторон не достигло такой степени. Хотя заседавший в Ульме военный совет имел цель высшего руководства военными действиями, они велись, как и при прежних войнах, без

Осада армяняками швейцарского города. Миниатюра из лицевой рукописной хроники Фруассара второй половины XV в.

Пешие наемники, переправившиеся через реку, у стен города вступают в бой со швейцарским городским ополчением. Атаку пехоты с противоположной стороны реки прикрывают лучники и арбалетчики. Часть воинов чинит поврежденный мост, чтобы через него смог переправиться отряд кавалерии.

общего плана, отдельными губительными стычками. Маркграф Альбрехт потерпел поражение от нюрнбергцев при Пилленройте в 1450 г. При Эсслингене Ульрих V Вюртембергский одержал победу над союзными городами. Соглашение, или мир, заключенный в Бамберге вследствие истощения денежных средств обеими сторонами (1450 г.), не изменил положения. Оста-

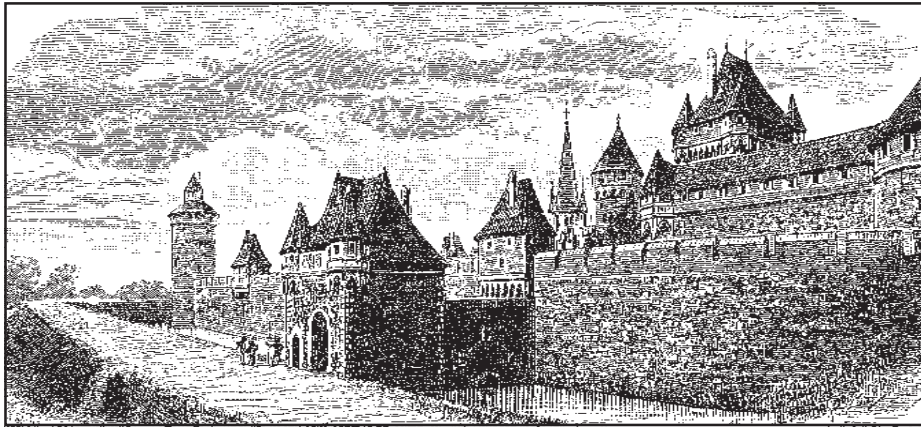

Альбрехт Ахиллес, курфюрст Бранденбургский. С алтарной иконы церкви в Ансбахе.

За ним камергер держит шапку, а маршал — меч, курфюршеские регалии. Позади курфюрста на щите — его герб (бранденбургский орел).

лись в силе и корысть князей, желавших обратить имперские города в земельные, и зависть полного ненависти дворянства, у которого было более охоты к наездничеству и драке, нежели к работе. Сохранили и города ту свою ту-пость, которая заставляла их относиться ко всем важным вопросам, к опасности, грозившей от турок или французов, лишь с точки зрения ограниченного партикуляризма и со скаредностью торгашей. Патриотизм их становился более возвышенным лишь при посягательствах на собственный город, как было, например, с городом *Зостом*, в войне (1444–1449), которую этот старый город, плохо поддерживаемый другими соседними городами, мужественно вел

против своего сеньора, архиепископа Дитриха II Кёльнского и его духовных и мирских союзников. Добившись имперского приговора против города, духовный сановник был настолько ослеплен гневом, что пригласил к себе наемников, еретиков-гуситов, и осадил город с 60-тысячным войском. Но горожане отбили штурм (июль 1447 г.), причем отвагу мужчин поддерживали и

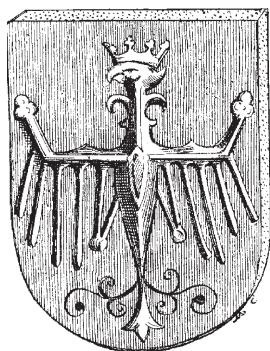
Крепостная стена г. Цонс (нижний Рейн) в XV в.

женщины: они подносили на стены и крыши домов кипяток, который выливали на головы осаждающим. Архиепископ покинул разоренную местность и в 1449 г. заключил мир с городом.

В ближайших годах выступил на первый план *восточный вопрос*. Страшная весть о падении Константинополя взволновала даже императора Фридриха. Он и его советники подумывали о крестовом походе, о союзе с Венгрией и Чехией; Австрия была поделена между Фридрихом и его братом Альбрехтом; город Вена с крепостью принадлежал им совместно. Дурное управление Фридриха, выразившееся, между прочим, и в крайней порче монеты (народ прозвал ее «живодерками»), вызвало мятеж, в котором приняли участие *эригерцог* Альбрехт (исторический 1453 г. ознаменовался введением нового титула для Австрийского дома), Людвиг Баварский и венгерский и чешский короли. Война кончилась тем, что император попал в плен к своим верным венцам и их отчаянному демагогу Вольфгангу Хольцеру в 1462 г. Положение его улучшилось из-за смерти герцога Альбрехта; существовало даже подозрение, что тот был отравлен, но, как бы то ни было, Фридрих стал полновластным господином всей Австрии. Во время всех этих смут дела в государстве шли как попало. Самыми замечательными между немецкими князьями были маркграф Альбрехт Ансбахский и пфальцграф Фридрих Победоносный. Первый из них, верный гогенцоллернской политике, ратовал за интересы императора и свои собственные; второй стоял во главе партии, враждебной императору. Завидуя положению маркграфа во Франконии, он соеди-

Германия
в 1453—
1471 гг.

нился с Людвигом Богатым, герцогом Баварским и Ландсхутским, который захватил имперский город Донауверт (1458 г.). Обе партии вербовали союзников. Война началась, и в июле 1460 г. пфальцграф одержал победу над одним из бранденбургских союзников, архиепископом Майнцским, при Пфед-

Герб Польши в XV в.
С фрески в Краковском соборе.

дерсхайме. Он нашел поддержку против императора у чешского короля Иржи Подебрада, который сам тогда питал честолюбивую надежду на венец римского императора. Но надежда не сбылась, война продолжалась, императору удалось склонить многие швабские и франконские города на свою сторону против Виттельсбаха. Положение пфальцграфа улучшилось после первого удачного для него дела: трое из его главных противников — граф Ульрих Вюртембергский, маркграф Баденский и епископ Мецкий, — попались ему в руки вместе со многими другими, менее знатными лицами (1462 г.). За этим последовала победа Людвига при Гингене. Война длилась 6 лет, усложняясь посторонними спорами, пока, наконец, не наступило примирение в Праге в 1463 г. В это время снова шли оживленные толки о крестовом походе против турок, но безумный фанатизм или высокомерие пап Пия II и Павла II, которые именно теперь напали на утраквистского чешского короля и на компактаты, не дали словам перейти в дело. Папы и папские прислужники вроде Фридриха III соглашались лучше предоставить свою паству и своих подданных на жертву языческой ярости варваров-неприятелей, нежели сойтись с теми, кого они сами обзывали еретиками. В 1470 г. османы впервые опустошили земли, принадлежащие империи, а Фридрих III в союзе с венгерским королем Матиашем воевал против чешского короля.

«Ради турок» в Регенсбурге был созван рейхстаг: «Имперско-христианский съезд в Регенсбурге ради турок» (1471 г.). Но дело серьезно не обсуждалось: турки были еще не близко, а выделение денег, порученное такому человеку, как Фридрих, никому не внушало доверия. Положение Германии на востоке заметно ухудшалось; даже самое славное достояние немецкой национальности, вызванное крестовыми походами, *государство Тевтонского ордена* в Пруссии, совершенно подпало при Фридрихе польской зависимости. Под давлением бедствий, обрушившихся на Орден после его поражения под Таненбергом в начале столетия (1410 г.), он совершенно выродился; его нравственная сила угасла. Земельно-сословное устройство, введенное Генрихом фон Плауэном, принесло новые беды в разлагавшееся государство. Различные поводы к оппозиции против произвола умножались, и недовольные города и сельское дворянство соединились в *Прусский союз*, главной опорой которого благодаря связям и средствам был Данциг. Это собрало недовольных под одним знаменем. Более благоразумные из правителей, как, например, Конрад фон Эрлихсхаузен (1441–1449), могли лишь на время задерживать

Торуньский мир.
1466 г.

возраставшее расстройство, и когда император, разбирая дошедшие до него жалобы на управление Ордена, после долгой проволочки решил дело в его пользу, предписывая распустить союз (1453 г.), недовольные передалась под покровительство Польши. После 13-летней борьбы истощенный Орден был вынужден согласиться на *Торуньский мир* (1466 г.), по которому Западная Пруссия с Мариенбургом, Торунем, Кульмом, Данцигом и Эльбингом уходила к Польше, а Восточная Пруссия оставалась за Орденом лишь в качестве польского лена. Страна оказалась поэтому территориально отрезанной от империи; было еще счастьем, что Новая марка была заложена Бранденбургу и сумма, лежавшая на ней, была повышена на 100 тысяч гульденов в 1455 г.

Император Фридрих относился ко всему этому безучастно, и если судить о деле по результатам, то такая политика невмешательства была верхом мудрости, потому что заключительным событием его царствования было все же достижение домом Габсбургов такого могущества, которое отозвалось во всей Европе и, примененное последовательно и искусно, могло обратить римскую корону в ее соединении с именем Габсбургов в нечто непризрачное. К этому Габсбургскому дому, о котором сложилось убеждение, что он брал более счастьем, нежели умом, прибавился еще один элемент — новое Бургундское государство, которое блеснуло, подобно метеору, между Францией и Германией.

Издавна славное имя *Бургундии* засияло новым блеском после смерти последнего герцога из старобургундской линии (1361 г.), который владел герцогством Бургундией, т. е. землями к западу от Соны, на правах наследства и приобрел графство Бургундию, или земли к востоку от Соны, благодаря браку. Это графство вместе с владениями во Фландрии получила его вдова Маргарита; герцогство досталось французской короне. После того как король Иоанн вопреки существовавшему дотолде обычаю французского королевского дома отдал герцогство как лен своему младшему сыну Филиппу, как это было уже сказано выше, тот женился на Маргарите, вследствие чего обе Бургундии, соединясь, образовали государство, возвысившееся при преемниках Филиппа, Иоанне Бесстрашном (1404–1419) и Филиппе Добром (1419–1467), благода-

Счастье Габсбургов.

Иоанн Бесстрашный, герцог Бургундский (1404–1419). С картины XV в. Париж. Национальная библиотека.

Герцогство Бургундское. Карл Смелый.

*Карл Смелый, герцог Бургундский (1467–1477).
С картины Рогера ван дер Вейдена в Брюссельском музее.*

ря бракам, куплям, наследствам и политике, до степени весьма значительного второстепенного государства. Сын Филиппа Доброго *Карл Смелый*, которому отец оставил, ко всему прочему, и богатую казну, казался предназначенным завершить великие судьбы этого дома. Его владения в двух больших половинах, разделенных Францией и герцогством Лотарингией, состояли из бургундских земель, герцогства Люксембургского и важнейшей части нынешней Бельгии и Голландии. Подобное могущество должно было побуждать такого гордого государя, каким был Карл Смелый, к дальнейшим завоеваниям. Важным для него было приобретенное в Южной Германии: эрцгерцог Зигмунд, владевший австрийским Тиролем, нуждаясь в деньгах и теснимый швейцарцами, купил себе помощь Карла, заложив ему земли в Передней Австрии (1469 г.). У Карла не было сыновей, единственной его наследницей была дочь *Мария*. Император Фридрих не мог найти более подходящей невесты для своего сына Максимилиана. Молодые люди тоже понравились друг другу, когда состоялась желанная их встреча в сентябре 1473 г. во время поездки Фридриха в Трир. Однако свадьба состоялась не так скоро: между высокомерным бургундцем, требовавшим для себя

Осада Нейса войсками Карла Смелого. Миниатюра из лицевой рукописной хроники Фруассара второй половины XV в.

Максимилиан I и Мария Бургундская. Гравюра Ганса Бургмайра Старшего под названием: «Король и королева обучают друг друга своим родным языкам».

королевского сана, и скрытым, флегматичным императором произошел разрыв. Герцог воспользовался ссорой архиепископа Кёльнского со своим капитулом и частью чинов для такого вмешательства, которое обещало дать ему возможность увеличить владения. Он вторгся в архиепископство и подступил к *Нейсу* с огромной армией в 60 тысяч человек. Но на этот раз он встретил сильный отпор. Князья и император заключили союз с *Людовиком XI*, французским королем, которого страшило могущество Бургундии. По договору со швейцарцами было условлено, что они нападут на бургундские земли (Верхнюю Бургундию). Города отозвались на снаряжение имперского войска необыкновенно горячо, вождем был назначен маркграф Альбрехт Ахиллес. Нейс защищался очень храбро, у Кёльна собралось огромное войско, и герцог очутился в положении, заставившем его возобновить переговоры с императором. Как Фридрих, так и французский король без сожаления пожертвовали при этом интересами Швейцарии (1475 г.). Карл, планы которого простирались до Италии, обратил всю свою месть на Союз и на Лотарингию вскоре после своего бесславного отступления от Нейса. Но ему пришлось вынести тяжелое унижение, когда в марте 1476 г. презираемые им мужики, обыватели богатых городов Союза и храбрые сельчане, нанесли ему поражение у *Грансона*, на юго-западном конце Невшательского озера, и когда в июне того же года он был вторично разбит теми же швейцарцами и их союзниками, герцогом Рене Лотарингским и войсками Зигмунда Габсбурга, у *Муртена*. Гордый Карл едва не лишился рассудка из-за такого позора. Герцог Лотарингский получил обратно свою область. Карл, отвергший посредничество папы и императора, выступил в поход против Рене и стал угрожать его столице *Нанси*. Близ этого города произошло третье, губительное для Карла сражение: 5 января 1477 г. его лагерь был взят штурмом, войско обращено в бегство. При этом Карл, перебираясь через пруд, провалился сквозь лед и утонул, окончив таким образом жизнь подобно искателю приключений. Его дочь могла теперь выйти замуж за Максимилиана, рыцарский образ которого и юношеская свежесть пленили ее. В августе месяце того же 1477 г. в Генте был заключен этот брак, богатый последствиями.

Все это не избавило императора от осаждавших его невзгод. Венгерский король Матиаш, раздраженный вероломством Фридриха, который обещал ему Чехию, а теперь, после смерти Иржи Подебрада, поддерживал польского кандидата, вторгся в австрийские земли. Французы осаждали нидерландские города, а в то время как империя объявила им войну, турки опустошали Штирию, Крайну и Каринтию (1477 г.). Государство, особенно города, поддерживало императора очень вяло. Супруга Максимилиана скончалась, едва достигнув 25-летнего возраста (1482 г.). Она оставила ему двух детей: сына Филиппа и дочь Маргариту. В 1485 г. дела императора против Матиаша приняли такой печальный оборот, что он оставил Вену и свои собственные земли и переезжал с места на место, ища себе помощи. Положение дел, хотя и не прямо его личных, улучшилось, когда курфюрсты на рейхстаге во Франкфурте (1486 г.) избрали его сына Максимилиана, внушавшего им доверие, его помощником и единственным наследником, римским королем. Фридрих тогда серьезно при-

Брак с бургундской принцессой. 1477 г. Максимилиан.

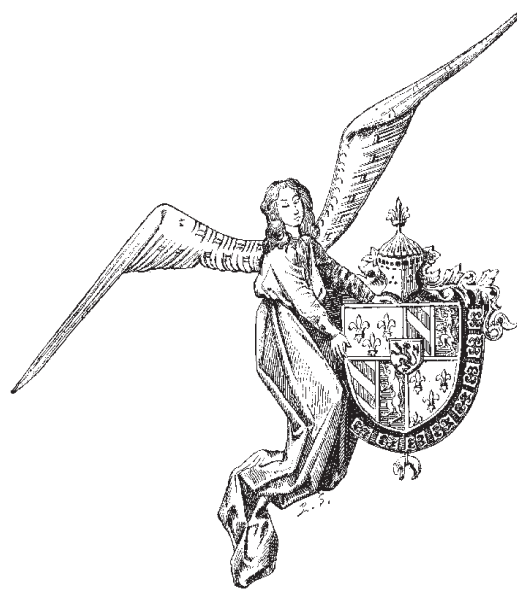

*Фридрих III. Статуя на его гробнице в церкви святого Стефана в Вене.
Работа Лерха (1513 г.).*

Буквы AEIOV на ленте — его девиз: «Alles Erdreich ist Oesterreich unterthan» — «Весь мир подвластен Австрии».

ступил к водворению общего и прочного *земского мира* — обращению Германии в государственное целое. Во главе этого преобразовательного движения стоял патриот из духовных сановников, *Бертольд фон Хеннеберг*, архиепископ Майнцский. Прежде всего отдельный рыцарско-княжеский союз ради водворения земского мира, существовавший под названием «Братство щита святого Георгия», получил более прочную организацию через привлечение к нему 22 городов и некоторых могущественных князей: графа Вюртембергского, эрцгерцога Зигмунда Австрийского, и превратился в благоустроенную федерацию под именем «*Швабского союза*». Среди немецких правителей пробуждалось нечто вроде национального чувства, и рейхстаги не отрицали необходимости снабжать императора или римского короля войсками и деньгами для борьбы с Венгрией или Францией. Позорный поступок французского короля Карла VIII, отославшего обратно обрученную с ним дочь Максимилиана Маргариту, потому что он нашел более выгодным брак с наследницей Бретани (на которой, правда, в противном случае мог жениться сам Максимилиан ко вреду Франции), оскорблявший честь римского короля, немецкими князьями был сочтен за обиду. Максимилиану удалось утвердить свое положение в Нидерландах и вернуть себе восточные земли Габсбургов. С помощью войск Швабского союза, который помогал ему как одному из своих членов, Максимилиан вступил в Вену и изгнал венгров из Австрии. Он примирился со своим оскорбителем, французским королем. По крайней мере графства, данные в приданое за Маргаритой, были ему возвращены миром, заключенным в Санлисе (1493 г.). Но герцогство Бургундия осталось за Францией. Максимилиан взял себе второй супругой не особенно знатную особу, Бьянку-Марию, дочь умершего герцога Миланского Галеаццо-Марии Сфорца, внуку удачливого кондотьера Франческо Сфорца, который вышел из крестьянского сословия.

В том же 1493 г. на 53-м году своего царствования и на 78-м году жизни скончался Фридрих III. Умер он в Линце. При своем крепком здоровье он дважды перенес тяжелую операцию (ампутацию ноги), но не вынес дизенте-

Ангел с гербом Бургундии. С фронтисписа лицевой рукописи «*Miracles de Notre-Dame*», написанной Жаном Миело по заказу Филиппа Доброго. Оксфорд. Библиотека Бодли.

Личность
Максими-
лиана I.

Максимилиан I. Гравюра Альбрехта Дюрера.

рии, которой занемог, съев разом 8 дынь. Его сын *Максимилиан I* (1493–1519) правил страной 34 года, считая и те 8 лет, когда был посвящен в дела при жизни отца. Детище нового времени, восприимчивый, он с пользой усвоил многие семена современной культуры, бегло говорил по-латыни, по-французски и по-итальянски, занимался разными науками, особенно богословием и медициной, а в артиллерийском искусстве был даже знатоком и изобретателем. Он был хорошо развит и физически: отличался на состязаниях в беге и стрельбе из лука, на охоте и на войне; его привлекала и литературная слава, весьма ценившаяся после того великого переворота, который произвело искусство книгопечатания. Он продиктовал своему секретарю оригинальные записки на латинском языке, позднее обработанные на немецком, под заглавием «Белый король», а скучнейшая рыцарская поэма «*Der Teuerdank*» считалась если не сочиненной им, то написанной по его распоряжению или внушению. Беспокойный, всегда занятый какими-нибудь планами, он спешил от предприятия к предприятию. Произведя в своем государстве важные реформы, он вдруг решил на старости лет добиться папства и на несколько дней углубился в богословие. Но вообще он был дельным правителем, в котором отразилась тревожная подвижность реформаторской эпохи.

Доспех для конных турниров («штехцойг») Максимилиана I.

Мысль Максимилиана о применении силы в Италии и против турок не могла быстро осуществиться из-за того, что его связывало положение дел в Империи и его наследственных областях. В то время как французский король Карл VIII предпринял счастливый поход в Италию и заявлял себя властелином во Флоренции, Риме, Неаполе, Максимилиан, примкнувший к союзу Арагона, папы, Милана и Венеции против Франции, тщетно обращался к государственным чинам на рейхстаге в Вормсе (1495 г.), требуя помощи для действий против французов и турок. Как и на прежних рейхстагах, ему отвечали требованиями внутренних реформ. Особенно строптивы были города, не хотевшие ничего знать, пока во всем не были бы водворены спокойствие, правосудие и порядок. И действительно, путем целого ряда рейхстагов — в Вормсе (1495 г.), Линдау, Фрейбурге (1496—1497), Аугсбурге (1500 г.), Кёльне (1505 и 1512 гг.), совершилось великое дело государственного устройства Германии.

Государственный
строй.

Город в Германии в XV в. Рисунок пером. 1491 г. Эрланген, городская библиотека.

Еще на первом съезде в Вормсе было уничтожено право частных войн (*Fehderecht*) и провозглашен «вечный» *земский мир* (*Landfriede*), следовательно, был признан принцип государственного порядка в смысле, придаваемом ему понятиями того времени, согласно чему была учреждена высшая судебная инстанция: *палатный суд*. На жалование судьям был установлен всеобщий налог — «общий пфенниг». Увенчание всех этих учреждений, формально организованное *имперское управление* не было сформировано, потому что Максимилиан ставил это вопросом доверия: он полагал, что на его управление никто не мог пожаловаться. Таковы были принятые решения, затрагивавшие существо государства, по выражению того времени; но Вормсский рейхстаг знаменателен не только этим. Император дал Миланское герцогство в пожизненный лен Лодовико Сфорца (после его смерти оно возвращалось империи) и возвысил все соединенные графом Эберхардом V швабские владения в одно *Вюртембергское герцогство*. Это было отличие, заслуженное таким замечательным владетелем, основателем Тюбингенского университета; но затаенной мыслью при этом была, конечно, надежда на то, что с вымиранием мужского колена это герцогство могло быть передано австрийскому принцу, как и Миланское. Счастье улыбалось Габсбургам более чем когда-либо: в 1496 г. после смерти Зигмунда Тирольского все австрийские владения соединились в руках Максимилиана. В 1497 г. супруга Филиппа, сына Максимилиана, Хуана осталась после смерти своего брата единственной наследницей владений *Кастилии* и *Арагона*, которые расширились благодаря смелым мореплавателям. Выработка государственного устройства продвинулась вперед на Аугсбургском рейхстаге 1500 г., на котором был осуществлен проект прочного *имперского управления*, предложенный архиепископом Бертольдом Майнцским, замечательнейшим государственным деятелем эпохи. Первым его председателем, назначенным от императора, был курфюрст Саксонский *Фридрих Мудрый*. Но большого влияния это учреждение не получило, потому что интересы короны и сословий слишком разнились. Императору было бы выгодно пользоваться этим управлением как орудием при европейских столкновениях, между тем как сословия хотели благодаря такому конституционному порядку удерживать государство от излишнего вмешательства в подобные столкновения. Однако все же мысль о решении частных распрей имперским судом приобретала право гражданства; так, например, Кёльнским рейхстагом 1505 г. был решен большой спор о пфальцско-баварском наследстве после войны, длившейся всего один год. Но во всем том, что касалось иностранной политики императора, его отношений к Венгрии, Франции, Италии, он встречал лишь слабую поддержку.

Дело конституционного порядка было закончено на Кёльнском рейхстаге 1512 г. Для водворения земского мира и исполнения решений имперского суда немецкое государство было разделено на 10 *имперских округов*. Во главе каждого из них находился окружной начальник с подчиненным ему советом. Самым большим из этих округов, считая от юга к северу, был *Австрийский*, площадью до двух тысяч квадратных миль, включая в себя земли владетельного дома; затем *Баварский*, наполовину меньший, в который входило старое

Кёльнский
рейхстаг.
1512 г.
Имперские
округа.

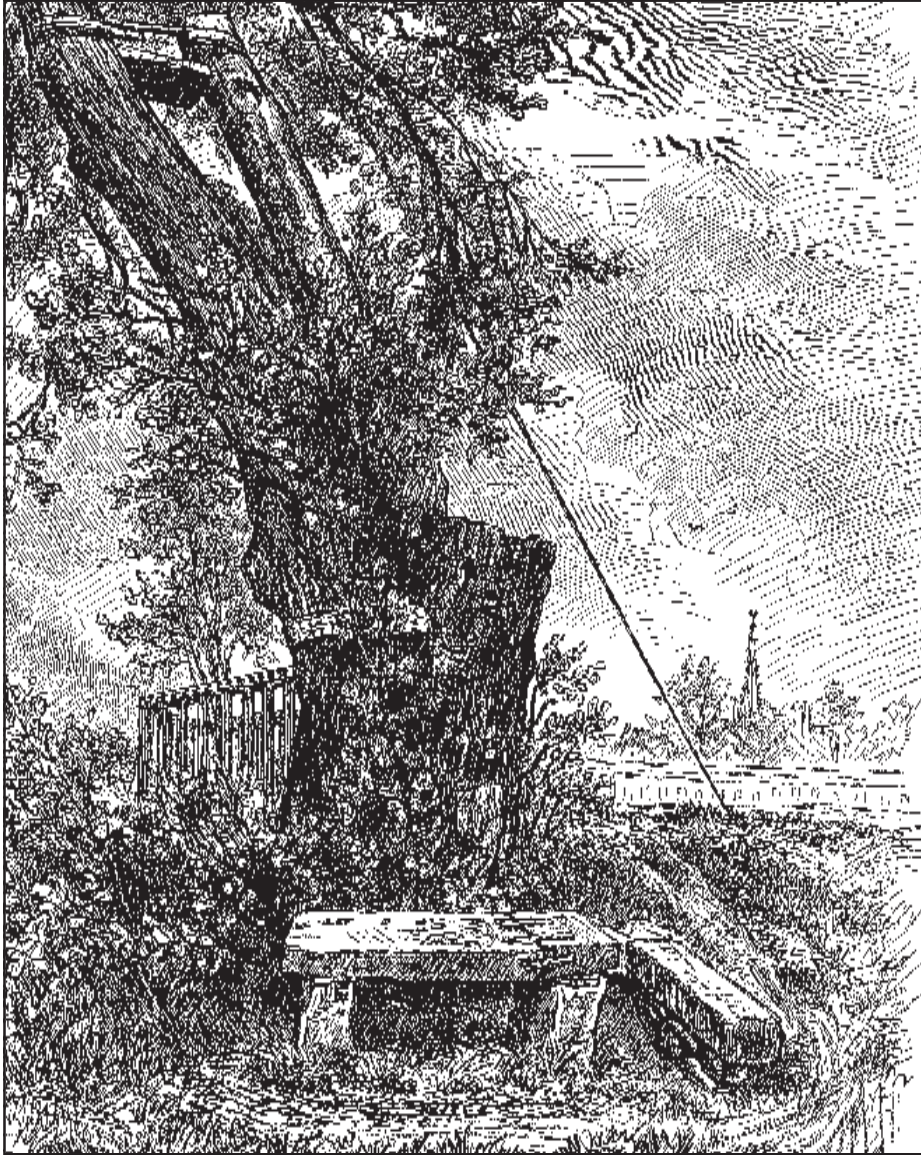
герцогство и 9 духовных владений, причем архиепископ Зальцбургский разделял управление с герцогом в Мюнхене; *Швабский*, с двумя большими территориями, герцогством Вюртемберг и маркграфством Баден, и множеством мелких, занимая, в общем, около 700 кв. миль; *Франконский* с 500 квадратных миль прежнего герцогства под управлением епископа Бамбергского; главную часть территории составляли бранденбургские княжеские владения; главным и богатейшим городом был Нюрнберг. Два *Рейнские* округа, пространством около 1 тысячи квадратных миль, заключали в себе богатейшие немецкие земли с тремя большими духовными и Пфальцским курфюршествами, двумя герцогствами, Савойей и Лотарингией, и множеством епископств и имперских городов; *Бургундский*, включавший большую часть Голландии, Бельгии и Люксембурга; *Вестфальский*, простиравшийся от островов Северного моря далеко на юг, пространством в 1,250 квадратных миль и управляемый из Мюнстера или из Клеве; наконец, два *Саксонских* округа: *Нижне-Саксонский* (около 1,420 квадратных миль) и *Верхне-Саксонский* (1,950 квадратных миль). К первому из них относились: 2 архиепископства, Магдебургское и Бременское, 3 епископства, 5 герцогств, 6 имперских городов; ко второму — 2 курфюршества, Саксония и Бранденбург, несколько княжеств и графств, но ни одного имперского города. Управление находилось в Саксонском курфюршестве. В стороне оставались две большие области, номинально принадлежавшие к империи: *Чехия* с прилегавшими к ней землями и *Швейцарский союз*. Карта с этим распределением очень пестра, по ней можно насчитать до 250 «окружных чинов», но меньшие из них имели на рейхстагах лишь коллективное право голоса, по куриям.

Немецкие
дела
около
1500 г.

Но на всем этом пространстве не было объединяющей государственной власти. Императора ограничивали рейхстаги. Местные обстоятельства в округах обсуждались в собраниях окружных чинов; окружные собрания и каждый правитель области, все чины округов и государственные чины были связаны ландтагами. Политическая жизнь всей нации протекала среди этих бесчисленных собраний и соглашений. Последний из названных важных факторов, ландтаги, развился постепенно в каждой территории. Но вообще его основой послужила необходимость для каждого местного государя в важных для него случаях заручиться содействием своих служащих и вассалов, а также находящихся на его земле монастырей, учреждений и городов. В немецких землях издавалось мало повелений, делалось мало правительственных распоряжений: послушание вынуждалось оружием или же выторговывалось. И если свобода состоит в этом, а так понимало ее, во всяком случае, большинство нации, то можно было говорить о «немецкой свободе». Но она придавала политической жизни нации нечто крайне вялое, и государственная жизнь в Германии этого века представляется чем-то карикатурным.

Феме
(тайные
судили-
ща).

Жизнь, развитие, прогресс нации сосредоточивались в отдельных территориях, стремившихся к заявлению своей самостоятельности и к устранению остатков прежних стадий развития. Эти остатки гнездились во всех сферах, но особенно долго держались в судебной части, и характерное учреждение, так называемое *феме*, обнаруживает борьбу старого и нового времени, государства

Липа в месте тайного суда (феме) в Дортмунде. Немецкий рисунок конца XIX в. Стол под ней с низким рельефом имперского орла и скамьи вокруг него — из глыб плохо обтесанного камня. Липа ограждена забором и связана во многих местах железными обручами.

и местного верховенства. В землях *Вестфальского* герцогства сохранялись еще старинные народные суды времен сельской автономии, эпохи Карла Великого или еще более ранней, между тем как в других местах были уже повсеместно введены правительственные судебные учреждения. Эти старые суды происходили при всенародном собрании под председательством фрейграфа, получавшего от самого императора право судить и карать. Императорская власть ослабела со времени Штауфенов. Новые сеньориальные суды еще не утвердились, в их организации было много пробелов, и бесчисленные грабежи и преступления совершались безнаказанно. Среди этого древность судов-феме придала им новый авторитет, в который сильнее всех верили их участники. Это были «императорские» суды; нравственное чувство правосудия находило удовлетворение в том сознании, что существуют трибуналы, которым можно принести жалобу на известные злодеяния, не подлежащие никаким судам, не находящие и исполнителей приговоров. Эти же суды вели подобные дела как вполне им подлежащие. Даже из дальних мест прибегали к ним в трудных уголовных делах (гражданских дел «феме» не разбирали). Но обвиняемый редко появлялся; публично произнесенный приговор мог заставить его быть настороже и потому сделать невозможным исполнение казни; поэтому суд перестал быть открытым; в него имели доступ лишь члены суда. Исполнителем обрекавшего на смерть приговора мог быть только такой же член суда, и приговор поэтому хранился в тайне и исполнялся скрытно. С середины XIII в. появились известия о «тайных судах». Сложилось тройное поверье, сообщившее этим судам большой ореол: во-первых, было принято, что они ведут лишь тяжкие, подлежащие казни преступления; во-вторых, что они действуют только в тех случаях, когда правый не находит нигде удовлетворения; наконец еще, что они установлены Карлом Великим и не стеснены никакими территориальными границами; в этом не сомневался никто. Учреждение имело свои благотворные стороны, и постепенно лица, посвященные в тайны «феме», ее кодекса и формальностей, «вещие», распространились по всей Германии, так что, в сущности, со времен короля Вацлава (1378 г.) в стране был «фемский союз», члены которого узнавали друг друга по известным символическим знакам при встречах. Но местом суда оставалась все же «Красная земля», Вестфалия, и получить звание члена союза можно было лишь там. Однако нигде нет речи о ночах и туманах, о таинственности заседаний, как при каком-либо заговоре: они происходили под открытым небом, обыкновенно с девяти часов утра до трех часов пополудни, и при одном случае, в котором речь шла о приговоре над одним баварским герцогом (1439 г.), в заседании принимали участие, как известно, 18 фрейграфов и 800 сочленов. Приглашение явиться на суд доставлялось обвиняемому из верных рук, но он редко отвечал на него. Тогда дело разбиралось, и приговор провозглашался в торжественной обстановке. Если после этого находили какого-нибудь повешенного на дереве с воткнутым возле в землю ножом, это означало, что приговор «тайной феме» исполнен. Феме приобрела страшную силу в середине XV в. Нечего говорить, что она не удержалась долго, что при тех важных недостатках, которые были присущи такого рода суду с самого его возникновения, она скоро исказилась в своих началах.

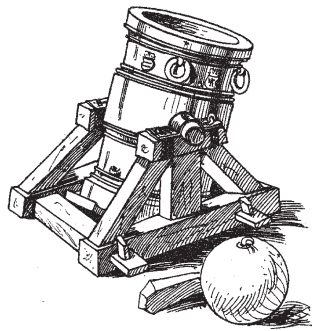
Этот остаток староимперской эпохи не был жизнеспособен. Всесторонний прогресс в каждой отрасли быта исходил теперь не от целого, а от частей. Перо Энеа-Сильвио дарит короткое изображение Германии того времени, которое составляет лишь слабый придаток к знаменитому сочинению о Германии великого римского историка. Тем не менее оно дает понятие о положении страны и характеризует, хотя и поверхностно схваченными частностями, период деятельного совершенствования как в материальном, так и в духовном отношении: заметен прирост населения, увеличение народного благосостояния; усиливаются отношения Германии с другими странами, с Италией, Испанией, Францией и прочими государствами; различные ремесла и искусства процветают, производство некоторых товаров: сукна, металлических и стеклянных изделий и пр. совершенствуется, распространяется обучение молодежи; строятся больницы и воспитательные дома, появляются городские врачи, ванны, приюты для женщин. Особенно указывает на прогресс обилие университетов: после Лейпцига быстро последовало учреждение их еще в восьми городах: в Ростоке (1419 г.), Грайфсвальде (1456 г.), Фрейбурге (1457 г.), Базеле (1460 г.), Ингольштадте (1472 г.), Тюбингене (1477 г.), Виттенберге (1502 г.), Франкфурте-на-Одере (1506 г.). В этом же столетии совершилось то великое умственное движение в руководящих классах, которое называют возрождением наук, или «гуманизмом». Оно совпало с другими интеллектуальными течениями, а также с изобретением книгопечатания. Это изобретение, т. е. печатный станок с металлическим шрифтом, осуше-

Типографский станок 1520 г. Гравюра XVI в.

Прогресс.

ствил в 1450 г. немец, член майнцской патрицианской фамилии, которая, терпя от вражды между родовитыми семьями и гильдиями, покинула в начале XV в. родной город. Звали этого человека Иоганн Генсфлейш цу *Гутенберг*. С 1448 г. он жил в Майнце, гражданин которого, Иоганн Фуст, снабжал его необходимыми деньгами. Первым произведением этой печатающей машины был латинский учебник («Донат») в 1451 г., затем, несколько лет спустя, последовала главнейшая работа — Библия. Несравненно меньшее непосредственное влияние оказало другое изобретение, которое часто приравнивают к этому и которому приписывают роль в созидании новой эпохи: изобретение *пороха*. Строго говоря, его даже нельзя считать открытием. Порох был известен с конца XIII в. и вошел в употребление на войне начиная со следующего. Мнение о том, что огнестрельное оружие сделало излишней рыцарскую храбрость, сообщая войне механический характер и тем демократизируя ее, явилось лишь позднее. Но искусство печатания металлическим шрифтом начинает период новых времен.

*Крупнокалиберная бронзовая мортира.
XV в. Из арсенальных книг императора
Максимилиана I.*